

СЮЖЕТНО-МОТИВНЫЙ СОСТАВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ БЫЛИЧЕК О ЛЕШЕМ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

В данной работе рассматривается проблема систематизации представлений об одном из демонологических персонажей карачаево-балкарского фольклора – лешем «агъач киши», который обитает в лесу. Исследуются сюжетно-мотивный состав, особенности описания образа, традиционно упоминаются места появления и обитания лесного духа.

Фактическим материалом для анализа послужили разновременные фольклорные записи об этом мифологическом персонаже. Актуальность исследования состоит в том, что до настоящего времени в карачаево-балкарской фольклористике отсутствуют научные работы о лешем «агъач киши», хотя он очень популярен в народе. Основная информация о нем стала доступна благодаря записям, зафиксированным в полевых экспедициях и хранящимся в архиве ИГИ КБНЦ РАН, публикациям в сборниках сказок и устных повествований, а также собственным разысканиям автора, что позволило уточнить многие особенности образа и связанных с ним представлений, определить дату, место фиксации, степень популярности сюжетов.

Анализируя мотивы, встречающиеся в карачаево-балкарских рассказах о лешем «агъач киши», мы определили сходство и различие их с мотивами о лесном человеке у других народов.

Ключевые слова: леший, лесной дух, охотник, быличка, лесное существо, мифология, мифологический персонаж.

С каждым годом современные исследователи фольклора проявляют все большее внимания к изучению жанров несказочной прозы. Актуальными становятся проблемы исследования особенностей поэтики, бытования и формирования мифологических рассказов, которые вызывают особый интерес не только у фольклористов, но и у представителей разных народов. Несмотря на повышенное внимание исследователей устного творчества, эти произведения остаются до настоящего времени недостаточно изученными с точки зрения фольклористики.

«Поскольку рассказы, связанные с русскими народными верованиями, до сих пор изучались лишь этнографически, т.е. только как источник познания народных верований, но не как явление народного искусства, игнорировались как особый жанр устной прозы, их специфика до сих пор не раскрыта, не рассмотрены, в частности, роль и характер мифических существ в качестве персонажей несказочной прозы» верно рассуждает Э.В. Померанцева¹.

Как известно рассказы о подобных мифологических существах довольно распространены в фольклоре карачаево-балкарцев, так же как и у многих других народов мира. Следуя давно установившейся терминологии, мы считаем презентативным называть эти повествования, а иногда не развернутые нарративы, а информацию, термином «былички».

«Быличка является одним из жанров устной народной прозы. Ее жанровые признаки характеризуются своеобразной системой образов и композиционными

приемами, формой исполнения и тематикой. Сюжетная организация былички, изображение персонажей в ней, описание природной ситуации, образ самого рассказчика – все это обусловлено целевой установкой и подчинено одному – доказать наличие в мире сверхъестественных существ и заставить слушающего поверить в них»².

Как известно, при исследовании текстов о мифологических существах на первый план выдвигаются демонологические герои, которые изображены в разных сюжетах как огромные, уродливые, но все же антропоморфными существами. Именно в воображении человека, носителя традиционной культуры, под воздействием определенных обстоятельств возникает данный персонаж, наделенный подобающими архетипическими признаками. При этом роль человека, с которым контактирует это человекоподобное существо, остается незамеченной, хотя без его участия сам фольклорный сюжет утратил бы всякий смысл, так как именно с человеком вступает в диалог мифологический герой, благодаря чему наступает завязка. Несмотря на это, в подобных фольклорных произведениях сверхъестественный герой занимает основное место, отодвигая человека на второй план, отводя последнему подчинительную роль.

Исследователи фольклора Грахова С.И. и Исмаилова Н.И. классифицировали мифологических персонажей в связи с особенностями их художественного изображения на: «жителей верхнего (светлого, небесного) мира: Бог, святые, ангелы; нижнего (темного, потустороннего) мира: демоны, черти; упыри и пр.; параллельного мира: духи природных пространств (Леший, Домовой, Водяной и пр.)³ и т.д., что также приемлемо и для карачаево-балкарских быличек.

Следовательно, в карачаево-балкарском фольклоре персонаж – лесной дух, леший – «агъач киши» (букв. «агъач» – лес, «киши» – мужчина, человек муж. рода), является представителем параллельного мира, как констатируют вышеназванные ученые. Этот демонологический герой, судя по существующим представлениям, всегда относится враждебно к охотникам и вообще ко всем людям, входящим в лес.

Одни исследователи считают, что лешие «живут в лесных трущобах и пустырях»⁴; другие, что он «обитает во всем лесу, однако больше всего любит коряги, вывернутые с корнем дерева...»⁵. Отсюда можно сделать вывод, что местом обитания лесных существ – леса и прилегающая к ним территория.

Фольклорные тексты о леших просты, излагаются кратко и являются одноэпизодными, без высоких вступительных и заключительных устойчивых оборотов, что и привлекает внимание слушателей. В таких мифологических рассказах «происходил постепенный перенос деятельности персонажей низшей мифологии из сферы аграрной магии в сферу семейного быта, сообразно чему описание неожиданных встреч с духами приобретало значение все более не столько культовое, сколько нравственное. Со временем представители нижнего континуума ... становились участниками взаимоотношений человека с окружающим миром...»⁶.

Эти встречи с лесным человеком древние люди объясняли тем, что давным-давно человек жил в абсолютной гармонии с природой. «Люди знали, то есть располагали сведениями, обладали знаниями относительно устройства мироздания, понимали действующие в нем установления, признавали законы бытия, соблюдали запреты и ограничения. Ощущая над собой власть потусторонних сил, наши предки считались с ними, зная свое место в мире, не превышая меру дозволенного»⁷, справедливо отмечает Н.А. Криничная. Но когда человек начал вторгаться в покой лесных обитателей, то равновесие между ними нарушилось.

Материалы фольклорных изысканий показывают, что в региональной традиции есть и специфика в описании внешности лешего. «Это и физические параметры персонажа (его рост, толщина или худоба), и одежда, и присущие ему атрибуты. И, безусловно, поскольку мы имеем дело с существами, способными к изменению своего облика, доминирующим в описании персонажа народной демонологии

будет считаться тот образ, который видится человеку, согласно текстам демонологических преданий⁸. Но во многих быличках долго не сообщается о сущности этого существа, только в конце повествования раскрывается, кто это был.

В карачаево-балкарских мифологических рассказах леший «агъач киши» – это существо, охраняющее лес и животный мир, он олицетворяет дремучую лесную глушь и дикую природу. Анализируя былички о лешем, можно отметить то, что в фольклорных произведениях сказителями его образ подробно описывается: «Уллу, узун адам. Кёкюрегинде бир дукъуру бар. Юсю къап-къара тюк, сакъалы да – тюк. Дунияны башында зат болуп, андан эриши жан болмаз эди. Мангълайында да бир уллу кёзю. Тиллери уа, къанатлылача, чыкъынжикле кибик, чыкъырдап сёлешедиле» – «Огромный, высокий человек. С выступом на груди (как острие топора). Весь покрыт черными волосами, борода тоже покрыта волосами. На земле нет никого уродливее его, а на лбу один огромный глаз. Разговаривают они (лешие), как птицы щебечут»⁹.

В карачаево-балкарских быличках ясно описывается, что на груди у лешего это не топор, а выступ в виде топора, которым он может разрубить человека. Основные поступки этого мифологического героя направлены на то, чтобы испугать, навредить охотникам.

Подобное же описание Мэзитла (адыгский леший) встречается и в адыгском фольклоре «Мэзитл представлен человекоподобным существом, одноглазым, волосатым, кровожадным чудовищем, которого нарты, как правило, побеждают хитростью»¹⁰. У причерноморских шапсугов есть поверье, как пишет Л.И. Лавров: «Старики шапсуги описывали нам лесных полумужей в таких чертах: они голые, покрыты шерстью, с топором на груди, одноногие и одноглазые»¹¹, что идентично и для описания лесных повелителей и у других народов.

В быличках демонологические персонажи всегда представляют опасность для людей. «Таинственный и трагический характер сюжета, а также то, что событие нередко происходит с человеком, когда он находится один в безлюдном месте, как бы между сном и явью, усиливает мифологичность былички и веру в рассказываемое»¹². Многие былички о лесном духе заканчиваются драматически: после встречи с представителем из параллельного мира человеку грозит смерть.

Существует поверье, что леший никогда не показывается на глаза людям, а если кто-то его увидит, то это становится предвестием несчастья. «Ведь издавна многие верили, что проклятия или пожелания подобных мифических существ исполнялись. По таким верованиям и созданы подобные рассказы»¹³.

Один из таких текстов «Агъач киши» – «Лесной человек»¹⁴ – о встрече одного выходца из Абеевых, из их двенадцатого колена, Чегембая с лешим. Лесной дух, проклял его, чтобы у того в семье до двенадцатого колена больше одного сына не было. С той поры у Абеевых от отца к отцу кроме одного сына не было сыновей.

Подобные былички про леших сказителями передаются из уст в уста, тем самым распространяясь на определенной территории. Рассказчики, сами не являясь свидетелями происшествий, ссылаются на честность человека, поведавшего им этот рассказ. Подобное наблюдается в тексте «Агъач кишини сыфаты» «Образ лесного человека»¹⁵: «Алай айтыучу эди Кипкеланы Осман, ётюрюкчю адам туйюл эди» – «Так сказывал Кипкеев Осман, он не был вруном».

Чаще всего былички о леших рассказывали охотники и пастухи, которые по роду занятий долгое время находились в окружении девственной природы с ее непонятными явлениями.

Можно заметить, что структура быличек имеет свои особенности, что и отмечает О.И. Тиманова: «... наличие как минимум двух различных описаний природы («до» или «после» – и непосредственно «в» момент встречи с мифологическим персонажем); быструю смену обстановки действия; основной сюжетный мотив – мотив встречи со «страшным»; специфическое построение»¹⁶.

Широко распространены у карачаевцев и балкарцев мифологические рассказы с подобной структурой построения сюжета: леший приходит к охотникам, жарящим оленя, и пугает их. В одном из таких рассказов «Уучу бла Агъач киши» – «Охотник и Лесной человек»¹⁷ повествуется о том, как охотник по имени Чук, в поисках добычи вошел в густой лес в окрестностях Бурыш Сырт. Пока он снимал шкуру с оленя, не заметил, как стемнело. Он развел огонь. Только изжарились шашлыки, как из леса вышел лесной человек.

Он, поздоровавшись, без спроса съел все его шашлыки и грубым тоном пригрозил ему, что если Чук и дальше будет охотиться у него в лесу, то съест его, как те шашлыки. Только за три истины, лесной человек мог его отпустить.

Смышленный охотник, недолго раздумывая, ответил, первое, что никогда как сегодня он не пугался; второе: никогда в жизни не видел более безобразного существа, чем его гость; третье: если он сегодня останется жив, то его нога никогда не ступит в эти места.

За эти три правды лесной человек отпустил его, но пригрозил, что убьет, если охотник кому-либо расскажет об их встрече.

Чуку хотелось рассказать о произошедшем, но угрозы лесного человека не давали это сделать, и это сильно его угнетало. Изо дня в день охотник становился все угрюмее и в конце слег. Лекари были бессильны. Тогда пригласили знаменитого ясновидца, осмотрев больного, который сказал, что Чук ничем не болен, просто ему нужно кому-нибудь поведать секрет.

Чук не соглашался, но как-то он вышел на берег реки, там он свой секрет рассказал большому пню. Вся тяжесть, лежащая на его сердце, перешла пню, и тот раскололся надвое. Охотник после этого выздоровел.

«Вот какова была сила и мощь слов лесного человека», – заключает рассказчик.

Подобный мотив описывается в песне «Гуёну жыры» – «Песня о Гуё»¹⁸, где главный герой Гуё был очень храбрым и сильным охотником.

*Меркер улу батыр Гуё-жютюкёз,
Тюзню таба, таша жолну жюрюмез.
Чарышледе бир кишиге оздурмагъан,
Тутушханда сыртындан салдырмагъан.*

«Сын Меркера, Храбрый Гуё – остроглазый.
Который любил ходить у всех на виду.
Который на скачках никому не уступал,
Кого в борьбе на спину никто не положил».

У Гуё была одна плохая черта: он любил рубить деревья, вопреки наказаниям отца. Однажды к нему в лесу пришел лесной человек и сказал, что только три правды спасут Гуё от его мести. На что герой песни ответил, так же как в предыдущем рассказе, что ужаснее никого не видел, что больше чем сейчас никогда не боялся, и третья правда, что если леший его отпустит, никогда он не будет рубить лес.

Леший признал, что это все – правда, и отпустил Гуё, но строго наказал, больше не рубить деревья.

Мы согласны Х.Х. Малкондуевым в том, что «в образ реального Гуё привносятся мотивы мифологической всеильности героя.

Покровители беспощадны к жестокости, несправедливости и злу. Они не прощают ошибок людей. Наказывают и предупреждают, а в случае нарушения людьми табу в их владениях, убивают их»¹⁹.

Кроме того бытуют рассказы о том, что от лесного существа зависит удача в земледелии. Считается, что в древности люди не умели пахать землю, этим мастерством владел только лесной человек. В рассказе «Сабан сюрюю»²⁰ – «Вспашка поля», рассказывается, как люди пошли к лешему с вопросами о том, как вспахать поле, но тот не захотел отвечать. Тогда люди разозлили его, потому как знали, что

леший отвечал только тогда, когда был злой, и ушли домой. У лесного существа было обыкновение, разговаривать с самим собой. Леший шел в лес и ругался сам на себя, раскрывая секреты земледелия.

Люди подслушали и поведали друг другу. С тех пор они научились земледелию. Как известно, кто последует совету лешего, того ждет успех.

Многие моменты, детали образов лесного человека в карачаево-балкарском фольклоре совпадают с образом лешего у других народов, а также существуют одинаковые мотивы повествований. Например, таковы адыгский Мэзитл, грузинский Очокочи и карачаево-балкарский «Агъач киши». Например: «Однажды охотник Гуталия (у грузин), гнался за оленями по отвесным вершинам гор, убил он там оленя.

Вечером развел он костер и стал жарить шашлыки. Вдруг перед ним появилось какое-то громадное косматое человекоподобное существо. Не было на нем никакой одежды, и шерсть стояла дыбом. На груди существа был заостренный выступ, подобный лезвию топора. То был Очокочи. Сел напротив он, у костра, съел весь ужин. После этого существо скрылось в лесу. Когда окончательно стемнело, охотник приготовился ко сну²¹.

Подобный рассказ встретится и в карачаево-балкарском фольклоре, как могучий охотник Ажо убил на охоте тура. Ажо был огромным, волосатым, как лесной человек, и кричал он подобно ему. Решил переночевать в пещере. Развел костер, подождал, пока догорит и на углях начал жарить мясо. Как вдруг заметил у пещеры огромное похожее на человека существо. Ажо увидел перед собой человека еще более огромного и противного чем он, на груди был заостренный выступ, напоминающий топор. Существо без спроса село у огня, и этот человек, дав понять, что голоден, съел всего тура. Лесной человек, оставив Ажо только кости, скрылся в лесу²².

Дальше действие в рассказах происходило однотипно: охотники, показав, будто они спят, подложили под одеяло охотничий нож, рукояткой в землю, лезвием вверх, и прикрыли буркой. Сами же спрятались за деревом, зарядив ружье. Через некоторое время из леса выскочил лесной человек, заметил бурку и мигом навалился на нее грудью. (Люди верили в то, что леший рубит деревья и врагов острым выступам на груди, навалившись на них). В ту же минуту охотники выстрелили ему в спину. Раздался страшный рев, но леший скрылся в лесной чаще.

Этот сюжет встречается и в адыгском фольклоре. Например, Мэзитл (леший у адыгов) тоже представлен одноглазым, волосатым, кровожадным человекоподобным существом. Сюжет предания о Мэзитле «Как Орзэмэс взял в жены Дадух» таков: «Нарт Орзэмэс, зная коварство лесного мужа, заверившего его, что «всю жизнь они будут друзьями, будут ходить друг к другу», а сам решил погубить нарта и завладеть его вещами, пятнадцать ночей оставлял вместо себя на ложе чурбан, накрытый буркой. Целые ночи он простаивал в углу своего жилища и ждал прихода чудовища. На шестнадцатую ночь пришел Мэзитл, набросился на чурбан, который он принял за нарта, и проткнул его своим мечом-маисом²³.

Таким образом, Агъач киши, Мэзитл и Очокочи очень похожи друг на друга: безобразные, человекоподобные мужи с выступом на груди. Эти лесные люди подстерегают охотников, когда те собираются съесть мясо. Ведут с ними диалог, а после пытаются их убить.

В этих текстах интересно сходство охотников, так же как и лесных существ. Им удается победить врага благодаря лишь своей сноровке и богатому опыту.

Рассказывая былички о демонологических персонажах, сказитель доносит до слушателя факты встречи человека с представителем параллельного мира, о впечатлениях и переживаниях главного героя в тот ключевой момент, произошедший в данное время.

Мы согласны с С.И. Граховой²⁴, что ситуацию «контакта человека с демоническим существом можно представить следующим образом:

1) Вход в ситуацию – неожиданное проявление «гостя» из параллельного мира: «Ажо вдруг заметил, что у входа в пещеру остановился какой-то огромный зверь».

2) Пребывание в ситуации – описание увиденного. Демоническое проявление всегда вызывает у персонажа страх, тревожность, удивление, вводит его в оцепенение, в состояние растерянности: «Ажо насторожился, схватил лук, вскочил на ноги».

3) Выход из ситуации – исход встречи – связан с исчезновением демонического существа. Часто рассказчики дают информацию и о дальнейшей судьбе человека, ставшего невольным очевидцем происшествия: «Ажо много раз слышал его (лешего) крики (проклятия), но его не нашел».

В карачаево-балкарском фольклоре сохранились и мифологические песни, посвященные встрече человека с «агъач киши».

*Жангыз кѣзлю Агъач киши,
Керти сѣзлю Агъач киши,
Жаз башында терекге минмеген,
Кюз артында терекден тюшмеген,
Жаш терекле кесдирмеген,
Агъач жаныуарлагъа тийдирмеген,
Акъ ажирни сояйыкъ,
Анга юлюш къояйыкъ.*

Одноглазый Агъач киши,
Верный своему слову Агъач киши,
Весной не залезающий на дерево,
Осенью не слезающий с дерева,
Не позволяющий рубить молодые деревья,
Не позволяющий убивать лесных зверей.
Зарежем белого жеребца,
Угостим нашего хозяина леса,
Оставим ему его долю²⁵.

Анализируя это поэтическое произведение Малкондуев Х.Х. верно обратил внимание на то, что «В песне отразились отголоски древнетюркского мифологического сознания. Не случайно упоминание в ней лошади белой масти. Очевидно, балкаро-карачаевцы сохранили из далекого прошлого своей языческой истории отголоски культа этого животного»²⁶.

Ритуал приношения в жертву белого коня у мирового дерева совпадает у многих тюркоязычных народов, что отражает древние контакты между ними. Белый конь отождествляет божественные силы, борющиеся со злом. С белым цветом связывали понятие святости, чистоты и мужества.

Нельзя обойти вниманием фольклорное поэтическое произведение «Агъач киши бла Маккуруш»²⁷ «Лесной человек и Маккуруш». Как известно из вышеизложенных фольклорных текстов «Агъач киши» – «леший, лесной человек» – антропоморфный персонаж, охраняющий лес, а «Маккуруш» – «Повелитель животного мира» зооморфное существо с огромными острыми рогами подобно мечам, который обладает громадной силой. Противостоять Маккурушу ни кто не мог.

*Апсатыдан, Аймушдан
Аны кючю залим эд,
Тенг болаллыкъ жаланда
Жокъ эд бир инсан анга.*

Больше чем у Апсаты и у Аймуш
Была у него сила.
Ему равным стать
Ни кто не мог.

Интерес в произведении представляет конфликт Маккуруша с лесным человеком: каждый из персонажей считает себя повелителем той местности и уступать не хочет. После долгой словесной полемики в виде диалога, Маккуруш и лесной человек вступают в поединок, в ходе которого, пострадали оба персонажа.

*Маккуруш ёдлю дейле
Сюйген Милял талада.
Агъач киши жан берди
Башилни терен агъачында.*

«Маккуруш умер, говорят
На любимой поляне Милял.
Лесной человек испустил дух
В чаще леса местности Башил».

Развязка данного произведения интересна тем, что «согласно ее содержанию, Маккуруш как мифический персонаж умирает на воспетой язычниками в ритуально-обрядовой и мифической поэзии поляне Милял Дурку, о существовании которой в реальной жизни сказочники и исполнители народных песен ничего определенного не могли сказать, т.к., искусно вписываясь в тексты обрядово-мифологической поэзии, легенд, преданий и сказок, она оставалась загадочной, как и сами многие мифосказочные мотивы»²⁸.

Таким образом, былички о лесном духе рассказываются как правдоподобные истории, на самом деле имевшие место случаи из жизни людей. Соединение реальности с фантазией (встреча с лесным существом человека) является ядром эмоционального воздействия таких рассказов. Леший, как мифологическое существо (нечеловеческое), расположен вредить человеку. В фольклорных повествованиях при встрече людей с антропоморфным существом, последний предстает перед слушателями как исключительно враждебная человеку сила, действия которой грозят ему гибелью. Однако, судя по некоторым записям, в образе этого существа просматриваются и черты древнейшего культурного героя (введение тайнами земледелия).

Анализ мифологических рассказов о лешем в карачаево-балкарском фольклоре показывает типологическое сходство и вполне вероятную общность происхождения или же совместной разработки сюжетов и мотивов у карачаевцев и балкарцев и соседних народов Северного Кавказа.

Примечания

1. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
2. Каскабасов С.А. Жанр былички в казахском фольклоре // Советская тюркология. Баку, 1987. № 6. С. 32–35.
3. Грахова С.И., Исмаилова Н.И. Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 64–67.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 1994.
5. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: ООО Издательство Астрель; ООО Издательство АСТ, 2000. 528 с.
6. Тиманова О.И. Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «малороссийских былях и небылицах» С. 44–58 [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/v/mifologicheskie-personazhi-vostочноslavyanskogo-folklor-a-i-osobennosti-ih-voploscheniya-v-malorossiyskih-bylyah-i-nebylitsah-o-m/> (дата обращения: 7.08.2018).
7. Криничная Н.А. «Я с лешим на разговорах был...» (Повествователь в мифологических рассказах) // Русская речь. М.: Наука, 2015. № 1. С. 119–127.

8. *Басангова Т.Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы». www.tuva.asia. № 2–3. 2011. С. 95–98.
9. «Агъач кишини сыфаты» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
10. *Кукер А.С.* Образ мифологического божества мээзитха в мифологии и эпических сказаниях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 1 (114). С. 23–30.
11. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев: исследования и материалы по вопросу первобытных религиозных верований // Труды института этнографии им. В.И. Миклухо-Маклая. М., 1959. Т. 1. С. 121.
12. *Каскабасов С.А.* Указ. соч. С. 32–35.
13. *Гергокова Л.С.* Мифологические персонажи в карачаево-балкарских быличках и бывальщинах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (72). С. 24–26.
14. «Агъач киши» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с.
15. Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
16. *Тиманова О.И.* Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «малороссийских былях и небылицах» О.М. Сомова // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 3. С. 44–58.
17. «Уучу бла Агъач киши» – «Охотник и Лесной человек» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с.
18. Фольклорный фонд Малкондуева Х.Х. «Гуёну жыры» – «Песня о Гуё».
19. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура Балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 157 с.
20. «Сабан сюрюу» – «Вспашка поля» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
21. Грузинские народные предания и легенды / пер., предисл., примеч. Е.Б. Вирсаладзе. М.: Наука, 1973. С. 75.
22. Ажо // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
23. *Кукер А.С.* Указ. соч. С. 23–30.
24. *Грахова С.И.* Народные демонологические рассказы: принцип двоимирия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (31). С. 64–67.
25. Архив КБИГИ. Ф.ф. Ед. хр. 13. Д. 4.
26. *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.
27. Архив КБИГИ. П. 6. Фонд Малкондуева Х.Х.
28. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об овце и козе (Аймуш и Маккуруш) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. Нальчик: Изд-во: ИГИ КБНЦ РАН, 2015. № 3 (26). С. 81–91. (90).

PLOT AND MOTIVE COMPOSITION OF KARACHAY-BALKAR COSSACKS ABOUT LESHY

Gergokova Leila Sozaakbayovna, Candidate of Philology, Researcher of the Sector of Karachay-Balkar folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

In this paper, the problem of systematizing the notions of one of the demonological characters of the Karachai-Balkarian folklore is considered – a leshy “agach kishi”, which lives in the forest. The subject-motivational composition, the features of the description of the image, are traditionally mentioned places of appearance and habitat of the forest spirit. The actual material for the analysis was the various folklore records about this mythological character. The relevance of the research is that to date there has been no scientific work on Karachay-Balkar folkloristics about the “Aghach Kishi”, although it is very popular among the people. The basic information about him became available thanks to the records recorded in the field expeditions and stored in

the archive of the IGI KBSC RAS, publications in collections of fairy tales and oral narratives, as well as the author's own research, which made it possible to clarify many features of the image and related representations, place of fixation, the degree of popularity of plots. Analyzing the motifs encountered in the Karachay-Balkar tales of the leshy "*agach kishi*", we determined the similarity and difference between them and the motives of the forest man from other peoples.

Keywords: Leshy, forest spirit, hunter, she-bird, forest creature, mythology, mythological character.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-125-133